

Накануне поста. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Накануне поста. Антон Павлович Чехов

– Павел Васильич! – будит Пелагея Ивановна своего мужа. – А Павел Васильич! Ты бы пошел позанимался со Степой, а то он сидит над книгой и плачет. Опять чего-то не понимает!

Павел Васильич поднимается, крестит зевающий рот и говорит мягко:

– Сейчас, душенька!

Кошка, спящая рядом с ним, тоже поднимается, вытягивает хвост, перегибает спину и жмурится. Тишина... Слышно, как за обоями бегают мыши. Надев сапоги и халат, Павел Васильич, помятый и хмурый спросонок, идет из спальни в столовую; при его появлении другая кошка, которая обнюхивала на окне рыбное заливное, прыгает с окна на пол и прячется за шкаф.

– Просили тебя нюхать! – сердится он, накрывая рыбу газетной бумагой. – Свинья ты после этого, а не кошка...

Из столовой дверь ведет в детскую. Тут за столом, покрытым пятнами и глубокими царапинами, сидит Степа, гимназист второго класса, с капризным выражением лица и с заплаканными глазами. Приподняв колени почти до подбородка и охватив их руками, он качается, как китайский болванчик, и сердито глядит в задачник.

– Учишься? – спрашивает Павел Васильич, подсаживаясь к столу и зевая. – Так, братец ты мой... Погуляли, поспали, блинов покушали, а завтра сухоядение, покаяние и на работу пожалуйте. Всякий период времени имеет свой предел. Что это у тебя глаза заплаканные? Зубренция одолела? Знать, после блинов противно науками питаться? То-то вот оно и есть.

– Да ты что там над ребенком смеешься? – кричит из другой комнаты Пелагея Ивановна. – Чем смеяться, показал бы лучше! Ведь он завтра опять единицу получит, горе мое!

– Ты чего не понимаешь? – спрашивает Павел Васильич у Степы.

– Да вот... деление дробей! – сердито отвечает тот. – Деление дроби на дробь...

– Гм... чудак! Что же тут? Тут и понимать нечего. Отзубри правило, вот и всё... Чтобы разделить дробь на дробь, то для этой цели нужно числителя первой дроби помножить на знаменателя второй, и это будет числителем частного... Ну-с, засим знаменатель первой дроби...

– Я это и без вас знаю! – перебивает его Степа, сбивая щелчком со стола ореховую скорлупу. – Вы покажите мне доказательство!

– Доказательство? Хорошо, давай карандаш. Слушай. Положим, нам нужно семь восьмых разделить на две пятых. Так-с. Механика тут в том, братец ты мой, что требуется эти дроби разделить друг на дружку... Самовар поставили?

– Не знаю.

– Пора уж чай пить... Восьмой час. Ну-с, теперь слушай. Будем так рассуждать. Положим, нам нужно разделить семь восьмых не на две пятых, а на два, то есть только на числителя. Делим. Что же получается?

– Семь шестнадцатых.

– Так. Молодец. Ну-с, штуkenция в том, братец ты мой, что мы... что, стало быть, если мы делили на два, то... Постой, я сам запутался. Помню, у нас в гимназии учителем арифметики был Сигизмунд Урбаныч, из поляков. Так тот, бывало, каждый урок путался. Начнет теорему доказывать, спутается и побагровеет весь и по классу забегает, точно его шилом кто-нибудь в спину, потом раз пять высморкается и начнет плакать. Но мы, знаешь, великодушны были, делали вид, что не замечаем. «Что с вами, спрашиваем, Сигизмунд Урбаныч? У вас зубы болят?» И скажи,

Накануне поста. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
пожалуйста, весь класс из разбойников состоял, из сорвиголов, но, понимаешь ты, великодушны были! Таких маленьких, как ты, в мое время не было, а всё верзилы, этикие балбесы, один другого выше. К примеру сказать, у нас в третьем классе был Мамахин: господи, что за дубина! Понимаешь ты, дылда в сажень ростом, идет – пол дрожит, хватит кулачищем по спине – дух вон! Не то, что мы, даже учителя его боялись. Так вот этот самый Мамахин, бывало...

За дверью слышатся шаги Пелагеи Ивановны. Павел Васильич мигает на дверь и шепчет:

– Мать идет. Давай заниматься. Ну, так вот, братец ты мой, – возвышает он голос, – эту дробь надо помножить на эту. Ну-с, а для этого нужно числителя первой дроби пом...

– Идите чай пить! – кричит Пелагея Ивановна.

Павел Васильич и его сын бросают арифметику и идут пить чай. А в столовой уже сидит Пелагея Ивановна и с ней тетенька, которая всегда молчит, и другая тетенька, глухонемая, и бабушка Марковна – повитуха, принимавшая Степу. Самовар шипит и пускает пар, от которого на потолке ложатся большие волнистые тени. Из передней, задрав вверх хвосты, входят кошки, заспанные, меланхолические...

– Пей, Марковна, с вареньем, – обращается Пелагея Ивановна к повитухе, – завтра пост великий, наедайся сегодня!

Марковна набирает полную ложечку варенья, нерешительно, словно порох, подносит ко рту и, покосившись на Павла Васильича, ест; тотчас же ее лицо покрывается сладкой улыбкой, такой же сладкой, как само варенье.

– Варенье очень даже отличное, – говорит она. – Вы, матушка, Пелагея Ивановна, сами изволили варить?

– Сама. Кому же другому? Я всё сама. Степочка, я тебе не жидко чай налила? Ах, ты уже выпил! Давай, ангелочек мой, я тебе еще налью.

– Так вот этот самый Мамахин, братец ты мой, – продолжает Павел Васильич, поворачиваясь к Степе, – терпеть не мог учителя французского языка. «Я, кричит, дворянин и не позволю, чтоб француз надо мною старшим был! Мы, кричит, в двенадцатом году французов били!» Ну, его, конечно, пороли... си-ильно пороли! А он, бывало, как заметит, что его пороть хотят, прыг в окно и был таков! Этак дней пять-шесть потом в гимназию не показывается. Мать приходит к директору, молит Христом-богом: «Господин директор, будьте столь добры, найдите моего Мишку, посеките его, подлеца!» А директор ей: «Помилуйте, сударыня, у нас с ним пять швейцаров не справятся!»

– Господи, уродятся же такие разбойники! – шепчет Пелагея Ивановна, с ужасом глядя на мужа. – Каково-то бедной матери!

Наступает молчание. Степа громко зевает и рассматривает на чайнице китайца, которого он видел уж тысячу раз. Обе тетеньки и Марковна осторожно хлеблют из блюдечек. В воздухе тишина и духота от печки... На лицах и в движениях лень, пресыщение, когда желудки до верха полны, а есть все-таки нужно. Убираются самовар, чашки и скатерть, а семья всё сидит за столом... Пелагея Ивановна то и дело вскакивает и с выражением ужаса на лице убегает в кухню, чтобы поговорить там с кухаркой насчет ужина. Обе тетеньки сидят в прежних позах, неподвижно, сложив ручки на груди, и дремлют, поглядывая своими оловянными глазками на лампу. Марковна каждую минуту икает и спрашивает:

– Отчего это я икаю? Кажется, и не кушала ничего такого... и словно бы не пила... Ик!

Павел Васильич и Степа сидят рядом, касаясь друг друга головами, и, нагнувшись к столу, рассматривают «Ниву» 1878 года.

– «Памятник Леонардо да-Винчи перед галереей Виктора Эммануила в Милане». Ишь ты... Вроде как бы триумфальные ворота... Кавалер с дамой... А там вдали человечки...

– Этот человечек похож на нашего гимназиста Нискубина, – говорит Степа.

Накануне поста. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– Перелистывай дальше... «Хоботок обыкновенной мухи, видимый в микроскоп». Вот так хоботок! Ай да муха! Что же, брат, будет, ежели клопа под микроскопом поглядеть? Вот гадость!

Старинные часы в зале сипло, точно простуженные, не бьют, а кашляют ровно десять раз. В столовую входит кухарка Анна и – бух хозяину в ноги!

– Простите Христа ради, Павел Васильич! – говорит она, поднимаясь вся красная.

– Прости и ты меня Христа ради, – отвечает Павел Васильич равнодушно.

Анна тем же порядком подходит к остальным членам семьи, бухает в ноги и просит прощенья. Минует она одну только Марковну, которую, как неблагогородную, считает недостойной поклонения.

Проходит еще полчаса в тишине и спокойствии... «Нива» лежит уже на диване, и Павел Васильич, подняв вверх палец, читает наизусть латинские стихи, которые он выучил когда-то в детстве. Степа глядит на его палец с обручальным кольцом, слушает непонятную речь и дремлет; трет кулаками глаза, а они у него еще больше слипаются.

– Пойду спать... – говорит он, потягиваясь и зевая.

– Что? Спать? – спрашивает Пелагея Ивановна. – А заговляться?

– Я не хочу.

– Да ты в своем уме? – пугается мамаша. – Как же можно не заговляться? Ведь во весь пост не дадут тебе скоромного!

Павел Васильич тоже пугается.

– Да, да, брат, – говорит он. – Семь недель мать не даст скоромного. Нельзя, надо заговориться.

– Ах, да мне спать хочется! – капризничает Степа.

– В таком случае накрывайте скорей на стол! – кричит встревоженно Павел Васильич. – Анна, что ты там, дура, сидишь? Иди поскорей, накрывай на стол!

Пелагея Ивановна всплескивает руками и бежит в кухню с таким выражением, как будто в доме пожар.

– Скорей! Скорей! – слышится по всему дому. – Степочка спать хочет! Анна! Ах боже мой, что же это такое? Скорей!

Через пять минут стол уже накрыт. Кошки опять, задрав вверх хвосты, выгибая спины и потягиваясь, сходятся в столовую... Семья начинает ужинать. Есть никому не хочется, у всех желудки переполнены, но есть все-таки нужно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!